

А. Н. Мосейко²

РУССКИЙ МИР: ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОПЫТЕ ЭМИГРАНТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В период современного мирового кризиса, охватившего и нашу страну, со всей остротой встает вопрос о возрождении и укреплении традиций исторического и культурного опыта России, существенной стороной которого является почти вековой опыт российского зарубежья.

В трудных условиях выживания в иных цивилизациях и культурах, неизбежно интегрируясь в среду стран проживания, русские эмигранты в своем повседневном бытии стремились сохранить русский язык, сберечь традиции русской культуры.

² Ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Идеология в странах Тропической Африки: традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: междисциплинарные исследования»; статей «Роль духовного наследия российского зарубежья в формировании образа России в западной культуре», «Трансформация образа России на Западе в контексте культуры последней трети XX века», «Культура повседневности русской эмиграции и ее место в культурном разнообразии мира» и др.

Русское рассеяние представляет собой явление глобальное, крайне сложное и многообразное, включающее социокультурные и социопсихологические, национально-этнические и религиозные, экономические и политические аспекты. Однако все аспекты являются составной частью сферы эмигрантской повседневности («мира повседневности», «жизненного мира», «культуры повседневности») как проявления пограничной культурной реальности, в которой разворачивалась обыденная жизнь эмигрантов из России.

Концепт «жизненный мир» предложил основатель феноменологии Э. Гуссерль. Его ученик А. Шюц определил сферу повседневности как мир человеческой непосредственности, чувствования, стремления, фантазирования, сомнения, воспоминания о прошлом и предвосхищения будущего. Он считал повседневность «верховой реальностью», ибо человек живет и трудится в ней по преимуществу и, проникая мыслью в те или иные сферы, всегда и неизбежно возвращается в мир повседневности. Более того, повседнев-

ность является для человека «горизонтом» всех его целей, проектов, интересов¹.

В каждой культуре повседневности происходит постоянный внутренний диалог: личности с самой собой и с группой, диалог прошлого и настоящего, традиций и инноваций, отцов и детей, мужчин и женщин и т. д. И одновременно — диалог соприкасающихся повседневностей, который обнаруживается во всех повседневных формах жизнедеятельности: в особенностях жилища, формах трудовой деятельности, особенностях питания, приготовления пищи, одежде, стиле, характере досуга, проведения праздников, формах семьи, обычаях, ритуалах, нормах поведения.

Опыт повседневности русской эмиграции, прежде всего первой волны, сформировал невиданную трагическую культуру повседневности, в которой были смещены и сломаны все барьеры: сословные, профессиональные, имущественные, конфессиональные. Эта культура повседневности возникла на обломках прежних стабильных укладов, вобрав их нормы, традиции, обычаи, стили, усилив и обострив диалогичность повседневности.

В послереволюционный период эмигранты из России по прибытии расселялись в английских и французских лагерях беженцев: в Турции, на островах в Мраморном море, в Египте, Тунисе и т. д.

Администрация лагерей обеспечивала беженцев скудным питанием, убогим жильем — в палатках, бараках, свободой передвижения внутри лагеря, а остальное — дело беженцев. Именно они создают более человеческие условия, следят за чистотой, чинят свою одежду. Бедность уже никого не шокирует, к ней привыкли, она вошла в быт. Но главное — с первых недель пребывания в лагерях русских беженцев была организована культурная жизнь, прежде всего школа и церковь. «В лагере в Телль-эль-Кебире (Египет) русская церковь переделана из старого камышового сарайчика. Крыша из тростника, стены из рогожки, а вместо колокола висит на столбе кусок рельса, и гимназист-пономарь железной палкой “звонит” к вечерне. Не лучше и школа. Навес с камышовой крышей, дети ходят в школу босые, а преподаватели — кто в чем может. Но какие преподаватели!»² В полную силу проявляется способность русских беженцев в лагерной жизни осмысливать происходящее. Русский человек черпает силы в своей культуре, ищет способы самовыражения, ответы на общие мучительные вопросы. Эта русская потребность вылилась в рождение совершенно необычного вида словесности — мемуаров лагерей, своеобразного «самиздата». Под условным термином «мемуары» выступают различные жанры: письма, рукописные журналы. Недавно рожденная, необычная культура повседневности эмигрантов создала свою специфическую массовую (как и положено повседневности) форму самовыражения, диалога, коммуникации.

В трудных условиях беженцы жили напряженной культурной жизнью: создавали библиотеки, союзы искусств, литературно-художественные кружки, устраи-

вали праздники — концерты хора лагерной труппы, театральные постановки, хотя пьесы приходилось восстанавливать по памяти³.

Эпидемия массового творчества не была случайной. Это было не эстетическим времяпровождением, а духовной работой, стремлением по мере своих сил осмыслить то, что произошло со страной и с каждым из ее детей. В убогой повседневности, бедности и отчаянии русские люди стремились остаться людьми, «хранить дух жив».

В послелагерный период расселение эмигрантов в разных регионах мира поставило перед ними новые проблемы. Отношения с культурой, цивилизацией принимающих стран — один из наиболее серьезных для эмиграции вопросов.

Особые трудности на первых порах испытывали русские эмигранты в странах, культура которых в значительной степени отличалась от русской, — в Китае, Австралии, Южной Америке, Африке, Турции. Однако и в более близких по культуре европейских странах жизнь эмиграции сталкивалась со многими проблемами. Какой бы ни была изоляция эмигрантов, полностью отгородиться от иной культуры им не удавалось. С самого начала пребывания русских на чужбине возник длительный диалог с культурами принимающих стран.

Общим для всех эмигрантских поселений были погруженность в собственную национальную культурную традицию, остро переживаемое чувство бездомности и временности своего бытия с осознанием безнадежности веры в возвращение на Родину. Трагическое самоощущение себя на чужбине накладывалось на повседневные проблемы выживания — поиски работы, добывание средств к существованию за счет продажи остатков имущества, попытки объединиться, примкнуть к своим.

Эмигранты искали пристанища в странах, где было больше возможностей найти работу, прокормить семью и выжить. Подлинной столицей русского расселения стал Париж. В Париже в 1920-е годы проживало более 50 тыс. эмигрантов из России.

Русские эмигранты принадлежали к разным сословиям, профессиям, имели различный образовательный статус. В то же время представители этого разнообразного общества мало отличались друг от друга своими условиями выживания. Общими были и их главные установки на новом месте жительства. После образования компактных районов проживания (в каком бы городе, в какой бы стране они ни находились) прежде всего организовывались школы и церковные приходы. Обучение детей русскому языку, русской литературе и истории считалось первоочередным делом. При церквях открывались воскресные школы, в которых преподавался «Закон Божий» и русский язык.

Детей надо было кормить, и перед эмигрантами всех сословий вставал вопрос о заработке. Легче других было эмигрантам, имеющим какие-либо прикладные специальности, особенно технические. На окраинах Парижа росли крупные заводы — автомобильные

¹ Щотц А. Структуры повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

² Яблоновский А. Письма эмигранта. Лагерная жизнь // Африка глазами эмигрантов. М., 2002. С. 9–10.

³ Недзельский Е. Мемуары лагерей // Африка глазами эмигрантов. М., 2002. С. 125, 131.

и химические, требовалась рабочая сила. На заводы шли не только эмигранты с техническими специальностями, но и люди, далекие от физического труда — военные, интеллигенция, даже имеющие знатное происхождение. Заводы давали заработок и дешевое жилье в новых бараках, дешевых пансионатах. Пригород Парижа Бианкур стал местом проживания нескольких тысяч русских эмигрантов. В период мирового кризиса русские брались за любую работу — были грузчиками, дворниками, лакеями, официантами, швейцарами, санитарями, таксистами. В Париже, например, работало несколько тысяч русских таксистов. Ими становились бывшие военные, люди интеллигентных профессий, даже знать. Хорошо воспитанные, учтивые русские за рулем парижских такси, способные рассказать о достопримечательностях и поддержать разговор, стали в Париже приметой времени.

Повседневность русских эмигрантов не выстраивалась как целое, она распадалась на отдельные социальные и культурные составляющие. Эмигранты жили двойной жизнью: днем тяжелая, часто унижительная работа, а после нее, вечерами, в маленьких кафе они снова становились генералами, помещиками, общественными деятелями, писателями, людьми со своим статусом среди представителей своего круга.

Непросто складывались отношения с местными жителями: русские своей необычностью, непривычным поведением, кажущимся высокомерием вызывали неприязнь и раздражение. Однако постепенно у французов стало вызывать уважение достоинство, с которым русские переносили нужду, их трудолюбие.

Русское присутствие в Париже, русский тон, стиль постепенно завоевывали общественное мнение. В Париже, а потом и во всем западном мире, в США распространилась мода на все русское: одежду, особенно кокошники, украшения, казацкие сапоги, произведения прикладного и высокого искусства. На пике моды на все русское в Париже и других столицах стали открываться рестораны и кабаре, где все было выдержано в русском стиле: кухня, убранство, балалаечники и цыганские ансамбли.

Воздействие русской культуры, русского стиля, русского присутствия на культуру повседневности всех принимающих стран было очень заметным. Русские повлияли на художественные вкусы, модные тенденции в одежде, даже на кулинарные пристрастия, не говоря уже о воздействии русской классической литературы, театра, балета.

Первая волна русской эмиграции заложила основы русского присутствия в иных культурах, создала

определенные традиции эмигрантской повседневности, которые рано или поздно усваивались эмигрантами последующих волн, имеющими существенные отличия как от первой волны, так и друг от друга¹. Однако все волны эмиграции включают важнейшие общие принципы и традиции. В первую очередь это стремление сохранить в своем жизненном мире русский язык и русскую культуру, сберечь их для своих детей и внуков.

Сплачивающей силой и духовной поддержкой эмиграции стала православная вера. Православные приходы объединяли эмигрантов, помогали им сохранить нравственные ориентиры, не потерять самоощущение общности. В Австралии, например, каждый православный приход представлял собой центр эмигрантской жизни. Даже русские, достаточно интегрировавшиеся в местную жизнь (а это процесс неизбежный), не забывают о своей культуре, приобщаясь к религиозной жизни прихода. При них возникают субботние русские школы, курсы русского языка, проводятся праздники русской песни, организуются детские лагеря, где говорят по-русски, и т. д. Эмигранты сохранили свою русскость, свой язык и культуру и даже создали в Австралии «Русский Парнас» — созвездие русских поэтов и писателей².

В США огромную роль в жизни русских эмигрантов играют православные приходы Новодивеевского монастыря, храма на Толстовской ферме (в свое время его организовала дочь Льва Николаевича Толстого, глава Толстовского фонда) и др.

Деятельность православных приходов является центром, духовной опорой не только русских прихожан, но и всех выходцев из России независимо от национальности и вероисповедания, особенно если их духовной доминантой была русская культура. Православие в русском рассеянии сыграло основную роль в спасении эмиграции от растворения в иных культурах, полной и безвозвратной ассимиляции. Православие, как стержень русской культуры, структурировало повседневную жизнь, обеспечило нашим соотечественникам достойную роль в соприкосновении с иными цивилизациями и культурами, диалоге с ними, которые стали непременной частью их жизненного мира.

Культура повседневности русской эмиграции, опыт жизни в постоянном, обыденном взаимодействии с представителями иных культур являются одними из ценностей русского зарубежья.

Знакомство с этим опытом может оказаться полезным в наше непростое время.

¹ См.: Мосейко А. Н. Русский мир: диалог цивилизаций. Восток–Россия–Запад // Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М., 2010.

² Мельникова Н. А. История русских в Австралии. Сидней, 2008. Т. II: Русский язык в Австралии. С. 7, 27–61.